Культура 1998 3-9 сент. № 4

Театр эпохи упадка империи,

или Положительный герой в пространстве и во времени

Алексей ЧЕРНИЧЕНКО

Растирание красок

Когда-то давно художники самиготовили свои краски. Подбирали, смешивали, растирали. И рецепт краски входил в секрет мастерства.

Не так давно цвет зависел от изображаемого. Положительного цвета можно было получить только романтически-голубым или слоняво-розовым. Выходил он серым. Писать "позитив" в творческом цехе считалось стыдным.

Теперь опять считается, ибо продажно. Глубоко проникшее на страницы и экраны стало много, но у позитива теперь другой колер — цвет вшивый. Чем сильнее его получил орган печати или канал вещания, тем положительнее образ заказчика.

Правда информация тоже называется по цвету — "чернуха". Изготовление краски поставлено на поток. Начальный телеканал открывает выпуск новостей с оживленного директорского "Ко-жаленко", сегодня приходится начать с сообщения о чрезвычайном происшествии: сразу после взлета дорожный был пройдён на вынужденную посадку вертолет "Ми-2". Причина — техническое неисправность. Об этом сообщил корреспондент агентства такого-то из такой-то области. — И точный вдруг! — такой-то поселок такой-то.

Есть такой поселок, правда. И вертолет есть. Он внутри размером с мой "жигуль", пятиместный, если потесниться. Но это как же нужно искать! И какой же силы должен быть ветер, чтобы раскопать где-то в сводках МЧА рапорт об экипаже, который, наверное, с похмелья забыл за правиться...

А если вы скажете увлеченным ребятам, что это надо начинать рассказывать стопятидесятимиллионной стране о ее собственной жизни с такой силой, что эта напряжение истерики, что это грубое манипулирование общественным сознанием, — ребята не поймут вас и не услышат.

Это вы должны понять, что они хорошие, талантливые ребята, но немножко чернобыльские мутанты.

Потому что если в апреле 1986 года на шестой части суши умолчать о масштабах и последствиях Чернобыля, то в августе 1998-го на уменьшившейся части вы получите этот вертолет. По грубости отращения с общественным сознанием то умалчивание равно этому виду. Мавзоний — дерево не вмутыть.

Вопрос в другом: что делать, если розово-голубые или цвета ваты герои — стыдно, а "чернуха" — скучно?

Тогда, дорогой читатель, надо ехать на Урал.

Там прекрасная автотрасса идет через самый старый горный хребет Евразии — недалеко от Челябинска стоит монумент, отмечающий самую среднюю точку континента (уж как сие измеряют?), а на дороге, могуче летящей мимо сказочных горных озер и утопающих в зелени деревень и заводов, ставших форпостами социалистического милитаризма, наблюдается удивительный оптический эффект. Смотришь вперед, и кажется, что машина катит вниз, и непонятно, почему так ревет мотор. А если оглянешься, то за багажником почти ничего не видно: оказывается, вверх идет дорога и довольно круто.

И героями здесь так же. Только решишь, что угодил в совершенную "чернуху", хоть теленовости отсюда или пьяные дворы "На дне-2", — ан в душе персонажа по-небесному сверкнет что-то, до кома в горле. Если же покажется, будто набрел на такой позитив, что и цековский агитпроп бы порадовался, то стоит оглянуться, как на горной дороге, — пролетает розово-голубое свечение, а кетчик, уж было сдвинувшийся на обочине, скребешь в затылке — вот же, мол, как все... неоднозначно.

Аудитория. Хозяева медной горы

В Челябинской области много татарских названий. Двигали когда-то казаки границы Орды, а названия остались. И теперь Челяба, только в первую сталинскую пятилетку обзаведшаяся суффиксом, и сказочное озеро Увильды, и заводские городки Кыштым и Карабаш.

В Кыштыме, райцентре, медеплавильный завод с демидовских времен. В Карабаше — с советских. И тот, и отсюда дымоходы. Тот почти не работали. Акционировались. Или акционировались. Как бы то ни было теперь опять хозяевами задымили. Кыштымский меньше — там новый молодой директор сумел найти заказчиков, перемотав и обновить оборудование. Заодно купить контрольный пакет акций завода на Ходорковского. В Карабаше из трех труб дымит одна, но и это привязку хватает, чтобы кашлять и ощущать всей носоглоткой вкус и запах меди. Что же было, когда — все три?

Хорошо было, вздыхают местные. Была работа. Теперь на их заводе работают кыштымские. Приезжают на автобусах за двадцать километров из райцентра и работают. Даже иногда получают зарплату. Могут в долг отоваривться в заводском магазине. А карабашские оттесняли — конкуренция. Кто смел, тот и съел. Естественный отбор дикостенков. Карабашский директор по прозвищу Огурец оставил себе столько акций, чтобы хватало на жизнь, и отступился.

А местным жителям, числом 18 тысяч, отступать некуда. И они, как все обороняющиеся, врываются в землю. В здешнюю продымленную, пропитанную ядом зеленую от меди. И живут натуральным хозяйством — огороды, куры, козы. В сезон заглядают грибы и ягоды. Ловят рыбу. И еще ходят на работу на Колонтайку.

Колонтайка — полоса земли между автотрассой и заводом. Шестьдесят имперских лет здесь была заводская свалка. Говорят, раньше, в начале девяностых, когда бывшие работники цехов только начали осваивать это новое место работы, здесь находили целые слитки меди по нескольку десятков кило — из плавильных печей их выбросили когда-то вместе со шлаком.

Теперь весь верхний слой почвы просеян, чтобы что-то найти, надо глубоко копать. Люди приходят семьями, как на огород, с лопатами, кирками, ломами, кувалдами и зубилами. Слитки легендарное прошлое. Теперь. находят чаще всего куски многожильных кабелей. Чтобы потом сдать ведь, надо освободить проволоку от слоя изоляции. Это делается на огне, поэтому по всей Колонтайке дымят костерки, и едкая вонь горящей пластмассы примешивается к ядовитому облаку из заводской трубы.

Колонтайка, вы догадались, исканенное "Клондайк". Мы сидим у вонючего костерка, и старатели рассказывают о своей бывшей жизни и вот этой теперешней работе. Большинство с завода, но есть продавщица, шахтер с медного рудника, машинист теплохода. Между собой у них конкуренции не заметно, отношения артельные.

Перед нашим приездом с утра Славку завалило — слишком глубоко в землю закопался. Был бы один — пиздец, так вдвоем, только нога побаливает, но ничего, расходится. Нет худа без добра — вытащили, а тут как раз подгрузился электромотор. Это везение, почти как слиток. Большой попался, так в сменяемых кассетах килограмм восемнадцать. Мне предлагают — хотите сфотографировать, как его раздолбывают?

Наверное, на Мальдивских островах так же ловко управляются с кокосами. Именинник Славка подходит, хромая, с кувалдой и зубилом и считанными ударами раскалывают ржавый стальной корпус, обнажая золотую проволочную сердцевину. Добыча.

На сегодня старатьи день закончен. В материатых сумочках у ног сложены мотки закопченной проволоки, каждый из песа, в среднем — килограмма по три-четыре на человека. Инструменты приятрыны в ямах. Ждем скупщика — приемщика Витю, по другим сведениям — Серёжу. Он принимает медь прямо здесь, три пятьдесят новыми за килограмм. В поселке можно договориться и сдать по четыре рубля, но тащить далеко и договариваться долго. В любом случае, это пятая или шестая часть цены за вторцветмет, объявляемой в областных газетах.

Нет, я не кровопийца. Он сам еще недавно только копал, да и сейчас копает частенько, а посредник — скупает по совместительству. Не хочет совсем в начальство уходить, от народа отрываться, понимает, что с народом надежнее. И помогает — взаймы дает, в бульдозеристом договорился. Правда, тому на беду: один раз кончил им траншейку, и был оштрафован за то, что кыштымским начальством на месячную премию зарежен. Работает бульдозер на строительстве нового отряда, возводимой кыштымцами вокруг карабашского завода. Старателей уже в поселке пятьдесят, что помочь можно будет не ближе пяти метров от стены. Это Колонтайку упоминает.

Виктор — небольшой, вертлявый, лет тридцати пяти — появляется с неожиданной стороны и берет с нас страшную клятву, что мы не челябинские менты. "Ну и ладно, говорит, а то мои прожжатые "жигуль" ваш увидали и развернулись, меня на дороге выбросили. Тогда уж вы и помогите урожай довезти".

В машине мы с приятелем предложили стременную за корыльный ущерб бутылку пива. Это так растрогало Виктора, что он сказал: "Ладно, фотографировать меня не надо, называть тоже никак не надо. Кликуха у меня Распутин. А я вас зато чаем напою".

Словом, тут в центре нашего континента случилось такое, что в центрах других случается после месяцев, а то и лет знакомства — нас пригласили в дом.

По пути Распутин изложил автобио — хватило аккурат на езду по городу Карабашу, минуты на три.

Он вышел из зоны четыре месяца назад. Когда сажали его, завод как раз еще акционировался, поэтому стоял. Бывший Распутин в рюкзаке нес с Колонтайки несколько глыб шихты из плавильных печей. Тогда в городке было два официальных приемных пункта вторцветмета, за шиворот там давали по 500 старых рублей за кило. Но Колонтайка считалась охраняемой зоной завода. Охраны, правда, не было. Шихтой отсыпали полотно строящейся дороги. И вдруг взяли Распутина под белы руки, вытряхнули рюкзак, удовлетворенно оприходовали глыбы. Он сказал — у кого же и у кого до этих директоров были другие, и преступники были не мельче. Они поначальных рейд проходил, кто-то из начальства сменился. Статья вышла "хищение госсобственности", но сумел он выйдет маленьким, поэтому дали всего два года общего режима. Сидел недалеко, на Урале, работали в лесу. В общем, все бы ничего, но жена уйти успела, поэтому без жилья остался. Мать помогла — снята квартиру до его возвращению, хозяин как раз сел на три года. Вернулся Распутин — и на Колонтайку, а куда же? Теперь туда вход свободный. Только вот приемные пункты, надо же, оба сгорели. Прыгали ведьмы местная братва, а их челябинские контролируют. "Так что, — он решил всетаки учинить, — если вы, работа, конкуренты, то учтите, что ваш номер фиксовали, кто меня предвозил. Они мне после зоны сразу к себе предложили, я побродвинчать согласился, но сам работаю".

Квартира оказалась в двухэтажном бревенчатом бараке. В ней было две комнаты, плита и кухонмойник. И еще в ней обнаружилась нежиданная, удивительная чистота. "Я каждое утро пол моюсь — сказал Распутин, — люблю, чтоб чисто. Встану, спешить-то некуда, водочки принесу". Шкафчик тумбочка. Здесь, видите, доски-то ничего на полу и щели небольшие..." Он категорически нам запретил сорить все-таки разулся, и его белые носки с черными пятками в дырках оказались самым грязным в квартире: видно, стирать он не так привык, как мыть пол.

Печка, диван, голубой стол ящичком, рукомойник и черно-белый телевизор были в большой комнате, а в меньшей ничего не было, только чистота. "И там обставлю, как у меня, — сказал, — в месяца диван и телек купил, с рук, конечно, но телек — сто тыщ. Он водоще-то работает, этот сегодня и смотрю... А вы говорите — заработки. Жить можно, если не пропивать".

Он долил в чайник воды из ведра. Остальную выпил в рукомойник и предложил помыть руки. Сушулся за шкафом, достал из-под вольный, извлек кусочек мыла. Снова полез туда, потянул какую-то посозарительную тряпку. Увидев ее, приятель мой быстренько вытер руки о джинсы, и Распутин с тряпкой наизготовку стал дожидаться, пока я домоюсь. Тряпка явно была та, которой "ширк-ширк". Я тянул время и незаметно тянул из кармана платок. А он вдруг сказал в эту паузу: "Раньше я до работы дочку в садик отводил..."

И столько было в этом "раньше", что совсем запершило в горле от какого-то какого-то сегодняшнего духа, от бессильно-яростной жалости, от невыносимо-безответного вопроса: да что же это за ведьмы такая, что который век в упадке реформируется и с каждой реформой становится бесноватодушнее, будничнее и спокойнее в уничтожении своих Платонов Каратаевых?..

Рекламная пауза

А дорога на Магнитогорск, в другой конец Челябинской области, идет мимо лесных и горных озер с чистой синей водой, с сильной и крупной рыбой, с лесной клубникой и прорвой белых по берегам. Глохнут по этим берегам базы отдыха, пустеют санатории и пансионаты бесчисленных заводов, ибо изавливаются они от содержания рабочих снижения себестоимости продукции. Но растут зато прекрасные новостройки дачи и виллы "братков", держащих криминальный вторчет. И люди, годами не получающие зарплаты, знают и видят, кто что строит. Знают и молчат, потому как в духе отечественной традиции верят "честь и божий суд, наперскники разврата...

Только здесь не ладобится вывозить каждый раз. Просто до этих директоров были другие, и преступники были не мельче. Они позаботились о наказании для нынешних. В 1957 году на химкомбинате "Маяк" в тридцати верстах отсюда, по соседству с Челябинском, поэтому дали всего два года общего режима. Сидел недалеко, на Урале, работали в лесу. В общем, все бы ничего, но жена уйти успела, поэтому без жилья остался. Мать помогла — снята квартиру до его возвращению, хозяин как раз сел на три года. Вернулся Распутин — и на Колонтайку, а куда же? Теперь туда вход свободный. Только вот приемные пункты, надо же, оба сгорели. Прыгали ведьмы местная братва, а их челябинские контролируют. "Так что, — он решил всетаки учинить, — если вы, работа, конкуренты, то учтите, что ваш номер фиксовали, кто меня предвозил. Они мне после зоны сразу к себе предложили, я побродвинчать согласился, но сам работаю".

Квартира оказалась в двухэтажном бревенчатом бараке. В ней было две комнаты, плита и кухонмойник. И еще в ней обнаружилась нежиданная, удивительная чистота. "Я каждое утро пол моюсь — сказал Распутин, — люблю, чтоб чисто. Встану, спешить-то некуда, водочки принесу". Шкафчик тумбочка. Здесь, видите, доски-то ничего на полу и щели небольшие..." Он категорически нам запретил сорить все-таки разулся, и его белые носки с черными пятками в дырках оказались самым грязным в квартире: видно, стирать он не так привык, как мыть пол.

Печка, диван, голубой стол ящичком, рукомойник и черно-белый телевизор были в большой комнате, а в меньшей ничего не было, только чистота. "И там обставлю, как у меня, — сказал, — в месяца диван и телек купил, с рук, конечно, но телек — сто тыщ. Он водоще-то работает, этот сегодня и смотрю... А вы говорите — заработки. Жить можно, если не пропивать".

Он долил в чайник воды из ведра. Остальную выпил в рукомойник и предложил помыть руки. Сушулся за шкафом, достал из-под вольный, извлек кусочек мыла. Снова полез туда, потянул какую-то посозарительную тряпку. Увидев ее, приятель мой быстренько вытер руки о джинсы, и Распутин с тряпкой наизготовку стал дожидаться, пока я домоюсь. Тряпка явно была та, которой "ширк-ширк". Я тянул время и незаметно тянул из кармана платок. А он вдруг сказал в эту паузу: "Раньше я до работы дочку в садик отводил..."

И столько было в этом "раньше", что совсем запершило в горле от какого-то какого-то сегодняшнего духа, от бессильно-яростной жалости, от невыносимо-безответного вопроса: да что же это за ведьмы такая, что который век в упадке реформируется и с каждой реформой становится бесноватодушнее, будничнее и спокойнее в уничтожении своих Платонов Каратаевых?..

Фотохроника

Слева: Колонтайка. В центре: Завод. Справа: А.Н.Якупов

метрах от Магнитогорска родился. К 1970-му километры преодолел и окончил Магнитогорское музыкально-педагогическое. По распределению вернулся в него с дипломом "Финского госинститута музыки". Этот распределился в Сочи директором только открывавшегося, там учился, там и работал, и в "Зимнем театре", где директором стал в 1981-м.

В 1984 году стал председателем городского музыкального общества. Это уже из характеристики здешней атмосферы: все всем СССР были музыкальные и областные музыкальные общества, но городские только три — московское, ленинградское и магнитогорское. Перефразируя сказанное про Ленинград, Якупов в ярости доказывал, что Магнитогорск — великий город с судьбой областного подчинения, и сам он был дитрвяном из сталинских великих строек. И органы сюда вообще не совались до самого хоча тридцатых. Поэтому завода добровольцы ехали замечательные люди в наивной надежде, что, если правильно-нужному выпадешься, то эта власть что-то поймет, изменится в человеческую сторону. Надежду расстреляли, но микроклимат, аура, традиция вылывать самозаводенно — остались".

В 1969 году на совете директоров музыкальных училищ он вдруг выступил и заявил, что среднее музыкальное образование — нонсенс, что нет смысла столько лет мучить студента, чтобы потом на деньги обрадованных, на дитрвяна, "А что же делать?" — опешили коллеги. "Мучить еще год, но уж давать высшее образование", "Браво!" — ответили ему. — Только нас не вмешивай".

Он, как же он "валял", страшно вспомнить!.. Ведь тогда для открытия вуза требовалось поставить "правильно" большинство. А до этого, понятно, партии. Ведь дело было идеологическое — воспитание классовый состав общества, утолщалась гнилая прослойка интеллигенции. Через один учебный год училище уже называлось "высшим". В 1993 году оно стало Музыкальным педагогическим институтом, а в 1996-м на его базе открывалась Магнитогорская государственная консерватория с ректором Якуповым.

Обратите внимание, тут не феодальное "попадание в случай", когда год спустя маленький, пусть замечательный шаг полковник делается министром, и не анекдотическая сегодняшняя инфляция, гнаный, прибавление нолей, когда самое дебильное ПТУ становится сегодня Татьш, сегодня оно институт местной промышленности — академией. Тут каменство образования, и к 1996 году 70 процентов профессорско-преподавательского состава Якупов уговорил — убедил — заставил повысить квалификацию в аспирантурах других консерваторий. Их в России десять, и магнитогорская сегодня на третьем месте по такому головоломному показателю, как научная остепененность педсостава в расчете на одного студента.

В 1998-м, как уже было сказано, появился Театр оперы и балета. Костяк труппы — консерваторские студенты. Главный дирижер — ректор...

Все. Пора вопросы. Откуда такие деньги? Ладно еще весь этот крутой маршрут от техникума до консерватории. Но театр, одно здание реконструкция ампирного ДК, да какая реконструкция — два зала, мрамор, фонтан, люстры, мебель — это ж по нынешним ценам...

Да, тут же соглашается Якупов, это, ведьмы, сколько денег. Сто то 35 миллионов рублей. Что значит, уточняю, "если и — где-то"? А то и значит, — говорит Якупов, что точно сказать трудно...

— ?!.

— ...Потому что никогда ничего я не строил и не ремонтировал за свои деньги. Я не строитель. Я музыкант, у нас их нет и быть не может. Взаимозачеты — да, использовал... Эти рассказывает несколько своих операций, и я ему говорю: вы — Чичиков. Использовать мертвую бюрократическую условность для создания реального живого богатства... Ревизская сказка или взаимозачет — одинаково чиновничья виртуальная реальность.

Он долго смеется, потом качает головой:

— Ну, вы уж, батенька... То я у вас Николай Иванович, то Павел Иванович...

То, что внешне он вылитый Бухарин — судите сами по фото. А счет Павла Иваньча Чичикова хотя бы по истории о том, почему у его студентов из аспирантов обострение чинность жильем — 10 м² на душу.

Якупов узнал, что в закудалом ПТУ решится и пустует общага, не могут отремонтировать. Пришел к директору, открыл кейс и сказал: "Сидор Матрасыч, вот взятка — бутылка коньяку. Если не отдашь общагу, отберу силой ментов город и область. А коньяк выпью сам. Ты меня знаешь". "Знаю", — сказал тот и достал из стола рюмки. Перевели с баланса на баланс, чин чинарем. "Сидор Матрасыч, — спросил Якупов следующего директора, уже заводского, — у тебя сколько долгу в городской и областной бюджет?" Тот кричит: "Сто, Николаич, сто миллионов рублей, давно на картотеку посадили, и пени растут, поликисильсона уже, а потребителя не платят и не заплатят никогда!.." И с горя в стол лезет, за рюмками. "Помогу я твоему горю, Матрасыч, — говорит уже ректор, — только ты мне своим ОК-Сом почини заваленку одну. Да там, ничего же лесом брать, пару офис захотел". "Сыграю я для вас, маэстро!.." — поет от радости директор.

А Якупов идет в администрацию и серьезно так просит — запланируйте на будущем году полтора миллиона рублей на капстроительство и ремонт помещений. Мы, дыкальный вы наш, говорят ему там, к вам из уважения мы запланируем даже полтора миллиона долларов, но вы же понимаете, что это деньги городского бюджета, коих не предвидится никогда. Да и Бог с ними, говорит Якупов, не в деньгах счастье, что сплошь вам за радужный план.

Денег, как видите, действительно нет. А где же взаимозачет? А вот где: этот план бюджет как бы должен Якупову. А тот должен директору завода, который уже сделал в общаге евроремонт. А завод, вы помните, должен в бюджет. Долги взаимозачитываются и исчезают. Остается завод, который работает без картотеки, и новая общага у консерватории...

Но она же маленькая! Там же нет 10 м² на душу! Еще секундочку драгоценного внимания: чу! Ректор снова у телефона... Звонит бывший главный инженер самого крупного магнитогорского комбината. И говорит Якупову то, что никогда в жизни не скажет. Он говорит: "Поздравь, Николаич, я теперь директор. А помнишь, когда я сменял-то кстати, ты у нас выступал? Ну в цехе, в обеденный перерыв, с шефским концертом? Еще аншлаговый-то, помнишь в красном уголке, ты ругался... А я помню. Я знаю, Николаич, как ты со своими теперь бывшими. Весь город знает, я бы помог, но денег ни копейки. Социультбыт, зараза, съедает все... Знаешь, Николаич, у нас ведь полгорода на балансе. Сейчас все это в муниципальную собственность передаем, ты нам сколько могу помочь... Что? Да нет, я не очень пьяный, слегка тут отметили. Да, я сто миллионов..."

И происходит вот что: директор и ректор одновременно приходят в городскую администрацию. Директор сдает в муниципальную собственность профилакторий для рабочих — три корпуса, парк, баскольн, корты, физио- и прочая терапия, двухместные номера с удобствами. По остаточной стоимости полтора сиксильона... А ректор его тут же у города выкупает, за эти же самые полтора. Ибо как раз за полтора новый "Фигнимбанк" купил у консерватории аварбщагу под офис. И бывший профилакторий ныне студгородок, и кто сказал, что массаж и всякие там ванночки после многочасовой репетиции рукам пианиста и ногам балерины не нужны?

Так вниз дорога или вверх? Вы говорите — чичиковщина, а я скажу — мошаровщина. Ведь так построилася весь их театр и концертный зал при консерватории, и за каждой люстрой — история, сколько еще было заводов, у них же сцена вращается по принципиально новейшим технологиям, сколько тракторного... Но с 22 апреля по июнь